

А. А. ГУСЕЙНОВ,

член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук,
профессор, заместитель директора Института философии РАН

ВОЗМОЖНО ЛИ ГЛОБАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО БЕЗ ГЛОБАЛЬНОГО ЭТОСА?

1. Идея глобального общества — западная идея. В связи с этим возникают два вопроса: не является ли она завуалированной формой выражения интересов Запада, его стремления к гегемонии в мире и обладают ли другие, незападные, культуры духовно-нравственным потенциалом, способным санкционировать эту идею, принять ее как свою?

Ответ на первый вопрос сводится к способности Запада распространить морально-политические принципы либеральных демократий, свой идеал справедливости на отношения с остальным миром и пойти на неизбежно вытекающие из такой перспективы ограничения.

В ответе на второй вопрос я бы хотел сослаться на мнение Л. Н. Толстого, исследовавшего нравственные основания различных культур и религий. Он пришел к выводу, что они различаются только по внешним формам. В основополагающих началах они едины. Эти начала очень просты и сводятся к следующим четырем положениям: а) есть бог как некое абсолютное начало всего; б) в каждом человеке есть частица этого начала, которое он своей жизнью может увеличить или уменьшить; в) для его увеличения человек должен подавлять страсти и умножать любовь; г) практическим средством этого является золотое правило нравственности. В совокупности данные положения составляют некий духовно-нравственный инвариант, одинаково свойственный и брахманизму, и иудаизму, и конфуцианству, и даосизму, и буддизму, и христианству, и магометанству.

2. Нравственный универсализм духа не существует сам по себе, как некая самостоятельная реальность, он существует внутри социокультурной оболочки, как особое его измерение, его вектор. Универсализм всегда историчен и конкретен. Применительно к нашей теме это означает, что идея глобального общества может найти опору в иных — неевропейских — культурах только в той мере, в какой она будет их собственной идеей, для русских — русской, для китайцев — китайской и так далее.

Процессы глобализации могут получить нравственную санкцию, если они будут сочетаться с взаимоуважительным диалогом культур, а для начала как минимум не будут покушаться на социокультурное многообразие человеческого бытия, партикуляризм традиций, нравов, верований.

3. Идеи плюрализма и терпимости как основа межкультурного диалога могут вызвать двоякого рода возражения. Во-первых, они суть сугубо западные идеи, вызревшие в Новое время; для других культур они не могут иметь обязывающего значения. Во-вторых, возведенные в универсальный принцип, они отрицают сами себя; ведь если мы отрицаем абсолютность каких-либо идей и убеждений, то само это отрицание тоже нельзя считать абсолютным принципом. Эти трудности порождаются тем, что недостаточно четко очерчивают нравственные границы плюрализма и терпимости. Эти принципы касаются не самой истины, а нашего отношения к ней. Они не отрицают абсолютности истины, абсолютности добра и его противопоставленности злу. Напротив, они невозможны без такого допущения. Они лишь оспаривают право отдельных индивидов или человеческих групп выступать от имени абсолютной истины. Именно потому, что истина абсолютна и в этой абсолютности имеет нравственно обязывающий смысл, нельзя придать абсолютный смысл каким бы то ни было частным, партикулярным, нравственным убеждениям.

4. Плюрализм и терпимость, даже если они произрастают на почве гуманистического монизма, являются коммуникативными установками, более адекватно реализующими убеждение в абсолютности морали, и могут рассматриваться лишь в качестве предпосылок, которые делают процессы глобализации нравственно возможными. Но они не могут стать основой самого глобального общества. Глобальное общество, если говорить о нем всерьез, требует не просто открытости культур по отношению друг к другу, а единого этоса, новой единой этической культуры — единой не только по универсальным основаниям, но и по символически-знаковой структуре, конкретным нормам и механизмам функционирования.

5. В опыте современных обществ, вовлеченных в процессы глобализации, явственно обнаруживаются тенденции, которые ведут в направлении единого (глобального) этоса. Два момента мне представляются особенно перспективными. Во-первых, реально практикуемые этические нормы поведения все более эмансипируются от их религиозно-мировоззренческих и политико-идеологических контекстов. Опыт современных обществ есть опыт общественного сотрудничества и повседневного взаимодействия людей разных верований и убеждений.

Во-вторых, в современном обществе экономика, политика, наука, другие сферы деятельности достигли такой степени сложности, что они могут успешно функционировать только в качестве социальных систем. Социальные системы — и в этом одна из важнейших их особенностей — сами воспроизводят свои субъективные предпосылки. Их устойчивость гарантирована прежде всего и главным образом жесткостью их собственных нормативных и технологических рамок. Каждая из

них вырабатывает такой этос общественного поведения в рамках своей профессионально-деловой деятельности, который имеет объективно-общезначимый смысл и в существенном смысле не зависит ни от их национально-культурной принадлежности, ни от их индивидуально-нравственных качеств.

Для того чтобы намечающиеся ростки единых этико-культурных схем деятельности развились в глобальный этос, потребуются огромные усилия и большое время, о масштабе которых нам сегодня не дано знать, быть может, потребуются духовные перевороты, сопоставимые с переворотами периода возникновения мировых религий, что и вовсе проблематизирует эту перспективу, ибо ставит ее в связь со случайностью появления гениально-харизматических личностей. Но как бы то ни было, такие ростки существуют и они позволяют с оптимизмом смотреть на перспективу глобального этоса.